

ТАИРА ДЖАФАРОВА

ЗАГАДКА СТАРОЙ ФОТОГРАФИИ

Наша семья дружила с семьей выдающегося скульптора Токая Мамедова. Прежде всего, с женской половиной семьи: с женой Токая Аидой Абдуллаевой, с ее сестрой Хаят, которую у нас дома называли Эличкой, с их мамой Суват-ханым, но и, конечно, с сыном Джахангиром или Джаником, как его называли близкие. О них есть, что рассказать. Суват-ханым была внучкой знаменитого генерал-лейтенанта Араблинского. Старшая из трех дочерей генерала, Нурджанхан-ханым, стала женой сына Тагиева, младшая, Сона-ханым, стала женой самого Тагиева, а средняя, Хурият-ханым, женой князя Абдул Джамиля Уцмиева. Одной из пятерых дочерей Хурият и была Суват-ханым. Судьба у Суват-ханым сложилась непросто и могла бы стать сюжетом увлекательного романа, несмотря на всю ее трагичность. Она, как и мои тетушки, окончила заведение Святой Нины и в шестнадцать лет стала женой Гамдуллы Абдуллаева, крупного рыботорговца. Во времена АДР он возглавил «Азрыбу», а в советское время руководил управлением «Дагрыбтрест», работал над книгой о рыбной отрасли. Властям требовались специалисты. Двое их сыновей, Адыль и Амир, в 1926 году за государственный счет были направлены на учебу в Германию. Все складывалось, вроде бы, хорошо, но в стране начались репрессии, бессудные расправы. В 1930-м Абдуллаева расстреляли, сыновья остались за границей, связь с ними прервалась. Суват-ханым, благодаря поддержке Узеира Гаджибейли, работала в симфоническом оркестре, она была способной скрипачкой. Но в начале войны их, как семью расстрелянного врага народа, выслали в Северный Казахстан, в глухую степную деревеньку. Выбрались они оттуда с большим трудом.

Старшей дочери, Хаят, удалось поступить в эвакуированный из Ленинграда Институт живописи, скульптуры и архитектуры им. Репина, находившийся в Самарканде.

Аида еще до войны по рекомендации Узеир-бека стала студенткой Московской консерватории, а теперь получила от него вызов для продолжения учебы в Бакинской консерватории.

Юсифа, как дипломированного нефтяника, пригласили в Коканд.

А их мать, не желая связывать детей, мешать их планам, тайком села в поезд, решив пробираться в Баку, но при первой же проверке с поезда ее ссадили. После всевозможных злоключений семья все же соединилась и попала в Баку. У них ничего не осталось, все имущество конфисковали, а главное – жить было негде. Но мир не без добрых людей, друзья приютили их, помогли. А Суват-ханум, благодаря помощи того же Узеир-бека, сумела устроиться заведующей библиотекой в Бакинскую консерваторию. Дети ее тоже оказались не только стойкими, но и талантливыми, и, несмотря на все трудности, нашли свое призвание, свой путь.

После окончания института Хаят стала известным скульптором, заслуженным деятелем искусств Азербайджана. У нее много интересных работ. Например, в Баку, на фронтоне здания Национальной библиотеки им. М.Ф. Ахундова, можно увидеть ее скульптуру Максима Горького, в Оперном театре – скульптуру Физули. В Шуше она

создала памятник Вагифу и поэтессе Натаван. В Азербайджанском музее искусств хранятся такие ее работы, как «Материнство», «Хаджар»...

В последние годы жизни, а она прожила 94 года, Хаят-ханым стала слепнуть и появлялась у нас в темных очках. Но всегда была веселой, жизнерадостной оптимисткой, очень доброй, и каждый раз подбадривала меня, заряжала энергией. Я ее любила и тоже называла Эличкой, несмотря на большую разницу в возрасте!

Аида-ханым Абдуллаева стала первой азербайджанской арфисткой, заслуженной артисткой Азербайджана, профессором, основателем местной школы арфы. Но у матери болело сердце о старших сыновьях, оставшихся в Германии. Она не знала, что во времена Гитлера они перебрались в Турцию, где учились и работали. А после войны вернулись в Германию, получили образование и добились достойного положения в обществе.

Во времена хрущевской оттепели, после того, как реабилитировали ее мужа, Суват-ханым стала разыскивать сыновей через Красный Крест, нашла их, поехала в Германию. Потом они приезжали в Баку, встречались с сестрами. Наш дядя Джафар, известный германист, всегда был переводчиком при этих встречах. Присутствовала и подруга Суват-ханым, наша тетя Тамара. Адыль и Амир привязались к дяде Джафару, а также к моим тетушкам, в особенности к старшей – Марьям-ханым, энергетике, заведующей лабораторией. Адыль был крупным энергетиком, доктором наук, директором Института электрических турбин в Брауншвайге, и это их очень объединяло. Братья прислали моему дяде Джафару приглашение посетить Германию. Но кэзэбисты не пустили старика за рубеж, посетить город своей молодости Берлин, где он учился в Коммерческом Институте. Братья также прислали приглашение тете Марьям, причем по служебной линии, чем, я помню, она очень гордилась. Но, увы, и ей не разрешили поехать.

Тетя Тамара после работы, а работала она до конца жизни в министерстве просвещения, частенько навещала Суват-ханым. Они обычно по вечерам вдохновенно играли в нарды, при этом наша тетя, по словам Джаника, джигалила (по-русски это значит – жульничать). Он часто слышал, как во время их игры его бабушка возмущалась: «Опять ты джигалишь? Джигалбас!» А Тамара-ханым, смеясь, отчаянно защищалась.

Большая дружба связывала с Суват-ханым и моего дядю Джафара, я помню, в конце 50-х и в 60-е годы он часто бывал у нее в консерваторской библиотеке, так как глубоко интересовался итальянской оперой. Это было главным его увлечением. В библиотеке его интересовали и партитуры опер, и литература о певцах. А Суват-ханым вместе с дочерьми появлялись и в нашем доме, приходили послушать пластинки дяди Джафара, и, как мне помнится, прослушивание своих оперных записей дядя устраивал и в консерватории.

Работая над книгой о своей семье, изучая документы в архиве, я обнаружила, что со стороны Суват-ханым мы являемся родственниками. Она родственница Зейналабдина Тагиева, и наша семья также. Семьи, по-видимому, близко общались еще до революции, в лучшие для наших родственников времена. Но, к сожалению, от детей в те непростые годы скрывались родственные связи. И когда я недавно встретила Джахангир-муаллима, он рассказал, что любил дядю Джафара и тетю Тамару и напомнил мне, что участвовал в похоронах их обоих. Это были наши общие потери.

Мама Джахангира, Аида-ханым прожила долгую, счастливую жизнь. Ее муж, Токай Мамедов, был не только выдающимся скульптором, но и ярким, благородным

человеком. Я стала интересоваться его корнями, родословной и тут удалось сделать потрясающее, по крайней мере, для меня, открытие. Я узнала историю фотографии тети Тамары, на которой она стоит на балконе дома на Торговой, того, в котором находилась знаменитая «Немецкая кондитерская». Дом этот принадлежал семье матери Токая Мамедова, как рассказал мне Фуад Ахундов, миллионерам братьям Тагиевым. Я не догадывалась только, как она могла там очутиться, кем ей приходилось хозяева дома. Оказалось, что миллионер Нуржахангулу Тагиев был дедушкой Токая Мамедова, а мама Токая Зивяр-ханым, первая женщина скульптор Азербайджана, приходилась дочкой Нурджаханугулу. Токай Мамедов в своих воспоминаниях рассказывал о своей маме: «Ее детство прошло в окружении гувернанток, многочисленных педагогов по музыке, языкам и рисованию. После революции мой дед, конечно же, все потерял, а мама с ранней молодости была вынуждена все время работать, чтобы выжить в то сложное время». И в те непростые времена – это был конец 20-х и 30-е годы – наша Тамара-ханым приходила в этот красивый, архитектурно выразительный дом на Торговой навещать родственников.

Известно, что еще и отец Зивяр-ханым увлекался скульптурой, поэтому понятно, что именно его способности передались дочери. Он поддерживал ее увлечение, всячески помогал в желании стать скульптором, что тогда для женщины было совсем непросто. Так что Токай Мамедов совсем не случайно стал выдающимся скульптором, это присутствовало у него в генах.

Кроме того, что она была скульптором, она была и талантливой музыкантшей. Сын рассказывал: *«Когда она была совсем еще юной девушкой, она брала уроки по классу скрипки. С того времени музыка на долгие годы стала важной частью ее жизни, ведь именно благодаря музыке она познакомилась с Узеиром Гаджибейли и даже была первой скрипкой в оркестре, которым он дирижировал»*. Этот рассказ объясняет то особенное чувство, которое вложил скульптор в его памятник, и почему таким почитаемым в семье Абдуллаевых был гениальный композитор Узеирбек Гаджибейли. И недаром его бюст работы Зивяр-ханым долгое время стоял в вестибюле нашей Консерватории, а памятник Узеирбеку, стоящий перед ее зданием теперь, изваянный ее сыном Токаем, считается его самой лучшей работой. Задумчиво и в тоже время торжественно сидящий композитор, его величественная фигура из бронзы на строгом постаменте, простой и выразительный жест руки, оставляют глубокое впечатление. Скульптор любил изображать творческих людей, музыкантов, поэтов, мыслителей. За свою долгую, наполненную вдохновением жизнь Токай Мамедов создал целую галерею выдающихся личностей Азербайджана: композитора Хаяма Мирзазаде, поэтов Самеда Вургуня и Сулеймана Рустама, писателя Мирзы Ибрагимова, художника Лятифа Керимова, востоковеда Мирзы Кязимбека и еще многих других. А свою любовь к музыке, полученную, как и дар скульптора, от матери, он выразил в таких работах, как бюсты Моцарта и Шопена.

Так что у меня остались самые светлые воспоминания об этой удивительной, творческой, полной художественной энергии и любви к родине семье нашего знаменитого скульптора Токая Мамедова.